

От аналитической философии к анализу голосования и дальше: интервью с Майклом Даммитом¹

Беседу вели: Рудольф Фара и Морис Саллес

Общественный выбор и экономика благосостояния — предметы, находящиеся на стыке многих областей. Даже если экономика сыграла главную роль в их развитии, социология, психология и, прежде всего, политическая наука, математика и философия внесли большой вклад в разработку используемых методов и многообразие исследуемых тем. Этот феномен можно сравнить с теорией игр, предметом, который, конечно, во многом связан с общественным выбором и благосостоянием. И это обстоятельство отражается в дисциплинарной принадлежности тех, кто занимается предметом. Как правило, от философов ожидают, что они будут заниматься изучением социальной справедливости и соответствующих этических вопросов. Но среди логиков существует традиция изучения теории голосования. Известный пример — Ч.Л. Доджсон (Льюис Кэрролл), хотя во всем корпусе работ Доджсона вопросам голосования отведено всего несколько страниц. Еще одним важным примером служит Майкл Даммит. Среди теоретиков общественного выбора он известен своей статьей, написанной совместно с Робинотом Фаркахарсоном и опубликованной в журнале *Econometrica* в 1961 году. Позднее он написал две важные книги о голосовании (Dummett, 1984, 1997; краткий обзор см.: Salles, 2006). Необходимо отметить, что Майкл Даммит также и прежде всего является одним из крупнейших современных философов, работы которого о немецком логике

¹ Rudolf Fara, Maurice Salles, 'An Interview with Michael Dummett: from Analytical Philosophy to Voting Analysis and Beyond,' *Social Choice and Welfare*, vol. 27, No. 2, October 2006, pp. 347–364.

Фреге, об интуиционизме, реализме, антиреализме и обосновательной теории значения и истины (*justificationism*) сыграли важную роль в развитии аналитической философии второй половины XX — начала XXI века (см., напр., обмен мнениями в недавнем выпуске журнала *Mind*: Peacocke, 2005 и Dummett, 2005).² Сэр Майкл Даммит — заслуженный профессор логики Оксфордского университета. Интервью с ним было проведено в Нью-Колледже в Оксфорде в сентябре 2004 года.

М. Саллес: Не могли бы вы рассказать о происхождении своего интереса к философии вообще и аналитической философии, логике и философии математики в частности?

М. Даммит: Мой интерес к философии и особенно аналитической философии восходит к моим студенческим штудиям. Сначала я изучал историю в оксфордском колледже Крайст-Черч (я закончил его в 1943 году). Затем я пошел в армию и прослужил четыре года — два во время войны и два после. После демобилизации я понял, что многое в истории из того, что я учил в школе, уже забыто мною, так что я подумал, что изучение истории будет ошибкой, и я решил учиться философии, политике и экономике. Я уже читал кое-что по философии, и она была мне интересна, но я еще не был увлечен ею. Я думал, что будет весьма полезно разбираться также в политике и экономике. Я с головой окунулся в философию в студенческие годы, и она стала моим главным увлечением. Тогда в Оксфорде и, наверное, вообще во всей Великобритании безраздельно господствовала аналитическая философия, поэтому именно ею я и занимался. Я всегда был аналитическим философом, но в том, что касается логики и философии математики, — это отдельный вопрос. Опять же начал заниматься ими по чистой случайности. Я подготовил доклад по философии к выпускному экзамену. Тема была придумана Джоном Остином и звучала нелепо — «Истоки современной эпистемологии». Это был обзор (довольно объемный) текстов, начиная с «Теэтета» Платона и заканчивая «Основными положениями арифметики» Фреге. Эти тексты обычно не использовались при изучении курса философии, политики и экономики в Оксфорде, и я работал с ними по-своему. Меня многое в них интересовало, но больше всего меня потрясли «Основания арифметики», и мне захотелось прочесть все, что было написано этим автором. Я считал эту работу лучшей из всех, которые я когда-либо встречал. Поэтому, став стипендиатом Олл-Соулз-колледжа, я начал читать все, что было написано Фреге. На английский тогда было переведено очень мало, так что мне приходилось читать это на немецком. А так как он был основателем современной математической логики, и многие его работы были посвящены логике вообще, философской логике, и все это вело к фи-

² Все примечания и ссылки добавлены интервьюерами. Работы Даммита по философии и логике см.: Dummett (1978, 1981, 1981a, 1991, 1991a, 1991b, 1993, 1993a, 2000, 2004, 2005).

лософии математики, естественно, что я решил подучиться математике и математической логике. По поводу математики: я планировал пройти базовый курс и сдать выпускной экзамен, но директор Олл-Соулз — тогда такие фигуры обладали намного большим весом, чем теперь, и ты делал то, что они говорили, — запретил мне посещать математическую школу, сказав, что, если я не получу степень по основному предмету, это опозорит колледж. Поэтому я нашел Джона Хаммерслея, математика, который помог мне самостоятельно заняться предметом (хотя я не собирался сдавать экзамены), и я прочел немало работ по математике просто для себя. Что касается математической логики, то в Оксфорде тогда не было никого, кто мог бы научить меня ей, поэтому я поехал в Беркли, Калифорния, где провел целый год. Беркли тогда был лучшим местом для занятий математической логикой. Ее читали и на математическом, и на философском факультете, и, конечно, там же был Тарский!

Р. Фара: Майкл, может, мы уточним даты — о каком времени мы говорим?

М. Даммит: Да, я поступил в Оксфорд в 1947 году, сдал выпускные экзамены в 1950 и прошел конкурс на получение стипендии за выдающиеся успехи в Олл-Соулз. В 1955 году я поехал в Беркли. Когда я вернулся, меня уже интересовала философия математики вообще, а не только Фреге. Меня всегда интересовали работы Фреге, и я немало написал о них, но, изучая другую философию математики, я наткнулся на Брауэра и всю интуиционистскую школу, и они меня сильно заинтересовали. В 1963 году освободилась должность преподавателя философии математики — ее занимал Фридрих Вайсман, входивший в Венский кружок. Он бежал в Англию от Гитлера и работал здесь преподавателем философии математики, но затем переключился на философию науки, так что, когда место освободилось, у меня были неплохие шансы получить его. Я проработал на этой должности тринадцать лет. Я читал лекции по философии математики, а затем мы создали новую школу по математике и философии для студентов. Я сыграл важную роль в ее основании, а потом и в преподавании в ней, читая курс математической логики. Поэтому мне приходилось читать вдвое больше лекций, так как, несмотря на нехватку кадров, университет требовал, чтобы все курсы читались в полном объеме. Затем к нам пришел Робин Ганди — он был преподавателем математической логики, — а позднее профессором по этому предмету стала Дана Скотт. Так что с появлением этих людей преподавательская нагрузка здорово облегчилась. Я также читал курсы по философии математики. В течение 13 лет она была основным моим предметом в университете. Конечно, я продолжал интересоваться философией вообще, философией языка и ее влиянием на метафизику. Они были моими интересами, не связанными с философией математики, но я не занимался ими профессионально.

М. Саллес: Теорию общественного выбора и благосостояния преподают в основном экономисты, и большинство из них понятия не имеет, что вы — один из известнейших философов. Не могли бы вы рассказать

о вашей работе в философии, хотя это, конечно, вряд ли возможно за короткое время?

М. Даммит: Я постараюсь! Итак, очень пунктирно. Одним из моих «побочных» интересов в философии является философия времени. Одной из первых моих опубликованных вещей была статья, в которой доказывалась логическая возможность обратной причинности (когда причина появляется после следствия). То есть теория, согласно которой значение утверждения состоит в условиях его истинности. И, обучаясь языку, мы обучаемся тому, каким образом утверждение делается истинным — не вследствие наблюдения, а чаще вследствие вывода из посылок, заданных наблюдением. Мы также обучаемся тому, что означает принятие утверждения в качестве истинного; такова практика использования языка. Но реалистическая позиция обычно связана с принципом бивалентности (согласно которому всякое недвусмысленное утверждение является либо истинным, либо ложным). При такой позиции истинность утверждения может выходить за пределы нашей способности опознания. Но то, что мы способны опознать, зависит от нашей способности опознавать, высказывается ли утверждение как истинное или нет. Приведу элементарный пример. Принято считать (это реалистическое предположение), что всякая физическая величина является абсолютной и точной, то есть что она может быть выражена в неких подходящих единицах, реальных числах, которые могут быть рациональными или иррациональными. Но мы никогда не можем установить ее. Мы можем только проводить измерения в допустимых пределах погрешности. В результате появляется утверждение, которое является истинным, но которое мы неспособны признать таковым. Таких утверждений — великое множество, и я хочу рассмотреть — и я рассматривал — вопрос о том, как мы можем прийти к представлению, что такое утверждение истинно, несмотря на неспособность признания его истинным? И как мы можем выразить понятие об этом и в чем оно вообще состоит? Кажется, что здесь имеет место циркулярность. Схватывание предложения, выраженного в утверждении, объясняется с точки зрения вашего схватывания другого предложения; то есть того, что оно является истинным при таких-то и таких-то условиях. Это не может проявляться в действительной практике употребления языка, потому что все, что проявляется, — это ваша способность признать его, признать утверждение истинным при подходящих условиях. Поэтому, если вы отвергаете это реалистическое объяснение, эту теорию значения, основанную на условиях истинности, то вам необходима другая теория значения, которую я называю «обосновательной» (*justificationist*) (понимание утверждения означает умение обосновать его совершение, иными словами, способность признания его истинным). Если вы исходите из своего объяснения значения, вам придется отказаться от принципа бивалентности, потому что существуют утверждения, которые мы не можем признать истинными или ложными, и поэтому нельзя считать, что всякое утверждение является либо истинным, либо ложным.

Я хочу сказать, что вы теперь отождествляете истину с существованием чего-то, благодаря чему мы можем признать утверждение истинным. Это значит, что вам придется отбросить классическую логику ради того, что принято называть интуиционистской логикой. Но я никогда не выступал с опровержением, отрицанием реализма. Мне просто было интересно бросить вызов реалистической точке зрения, спросив, какой ответ она может предложить на поставленные мною вопросы о том, как мы приходим к понятию истинности, а также проработать последствия отрицания реализма и принятия «обосновательной» теории значения. Как она скажется на метафизике? Когерентна ли она? Я имею виду: проблемы, которые она ставит, состоятельны или нет? В этом был мой главный интерес. Я также много писал о философии Фреге, меня продолжали восхищать и интересовать его работы. Вот так вкратце обстоят дела. Думаю, это позволяет в общих чертах представить, чем именно я занимался.

Р. Фара: Подводя итог, можно ли сказать, что интуиционизм в каком-то смысле поддерживает антиреализм?

М. Даммит: Да, можно.

Р. Фара: И если рассматривать ваши работы с точки зрения Куайна, который никогда не отрицал существования других возможных логик (в этой точке зрения на самом деле нет ничего особенного), то вы остановились на бивалентности в основном именно потому, что она давала вам результаты, которых вы требовали от науки, и все дело было в простоте? И не говорите ли вы, в каком-то смысле, что нам не нужно устанавливать границы и нам не нужно необдуманно и самодовольно сохранять границы; возможно, нам нужно просто смотреть немного дальше, чтобы увидеть, к чему мы можем прийти, если сделаем ставку на что-то иное, чем бивалентность? Я правильно излагаю?

М. Даммит: Да, верно.

Р. Фара: ...Конечно, бивалентность важна, и она сыграла важную роль в математике, но что будет, если попробовать что-то другое?

М. Даммит: Абсолютно точно.

М. Саллес: Другой возможностью отрицания бивалентности было бы признание мультивалентности.

М. Даммит: Да, но я пошел по другому пути. В интуиционистской логике вы не можете делать утверждение, которое не является ни истинным, ни ложным, поскольку это было бы противоречием для интуициониста. Вы только не можете утверждать со всей определенностью, что оно является истинным или ложным.

Р. Фара: Да, отвергается как раз «это Р или не-Р».

М. Даммит: Верно, и вы не можете исключать возможность, что что-то окажется истинным. Вероятность этого может быть ничтожной, но всегда могут появиться свидетельства обратного. Возможность этого нельзя исключать.

М. Саллес: Что заставило столь крупного философа, как вы, уделить столько времени теории общественного выбора и голосования.

М. Даммит: Ну, на это есть очень короткий ответ. Не понимаю, почему нельзя интересоваться больше, чем одной вещью. Думаю, неправильно концентрироваться на одной вещи, так что...

М. Саллес: Согласен, но все же...

М. Даммит: Не то чтобы я видел какую-то связь между ними. Просто меня интересует и то, и другое.

М. Саллес: А не могли бы вы описать ваши изыскания в области теории общественного выбора и благосостояния?

М. Даммит: Они были нерегулярными. Сначала меня интересовала только теория голосования. Я продолжаю считать, что использование теории общественного выбора применительно к голосованию до сих пор остается самым важным ее приложением, хотя сама теория этим, конечно, не ограничивается. Впервые интерес к теории голосования у меня пробудил Робин Фаркахарсон, блестящий юноша, который увлекся теорией голосования в студенческие годы. Я был хорошо знаком с ним, а затем вместе мы написали статью, которая стала моей первой публикацией по этой теме. Джон Хикс, который преподавал в Олл-Соулзе в то же время, что и я, поздравил меня с публикацией статьи в журнале *Econometrica*. Затем, как вы знаете, Робина Фаркахарсона постигло страшное психическое заболевание, и он уже больше не мог заниматься наукой. Я продолжал интересоваться теорией общественного выбора отчасти потому, что люди присылали мне оттиски своих статей, которые я читал, но все же я не пытался систематически следить за предметом. Меня очень интересовала теория голосования и избирательных систем и поражала нелепость многих процедур голосования, принятых в моем и в других колледжах, но я не пытался всерьез заниматься предметом. Я очень сожалею, что я не делал этого, потому что гипотеза, выдвинутая нами в статье для *Econometrica*, согласно которой ни одна система голосования не может исключать возможность успешного манипулируемого голосования, была подтверждена Гиббардом, а позднее Саттертуэйтом.³ Я полагал, что доказать это будет невероятно трудно, но на самом деле я не считаю, что это было так же трудно, как доказать теорему, которая была доказана в нашей статье. Мне только казалось, что это будет трудным делом. Поэтому я и не пытался этого делать.

Затем я задумался о написании книги, которую я опубликовал под названием «Процедуры голосования», но я прекрасно понимал, что, если я собираюсь написать ее, мне нужно будет быть в курсе происходящего в современной теории общественного выбора. К счастью, случилось так, что Амартья Сен, который был моим неплохим знакомым, написал краткое изложение истории общественного выбора (не знаю, было ли оно опубликовано) и дал его мне.⁴ Я тщательно изучил его, а затем присту-

³ Gibbard (1973), Satterthwaite (1975).

⁴ Даммит, скорее всего, имеет в виду рукопись, которая в конечном итоге была опубликована в 1986 году в качестве одной из глав «Руководства по математической экономике» (см.: Sen (1986)).

пил к написанию книги. В основе этой книги лежала идея о «наведении мостов» между теорией общественного выбора, которая изучалась тогда преимущественно, как вы говорите, экономистами, публиковавшими по ней статьи и доказывавшими все теоремы, и людьми, которых действительно интересовала разработка процедур голосования — я имею в виду политиков, членов советов директоров и так далее, большинство из которых совершенно не знало о существовании такой штуки, как теория общественного выбора, и которые не изучали теорию голосования. Я хотел построить такой мост. К своему стыду, до прочтения истории Амартьи Сена я и не знал, что гипотеза, которую мы выдвинули в той статье (о несуществовании неманипулируемых процедур), на самом деле уже была доказана. Сен упоминал, что Гиббард и Саттертуэйт доказали ее, но самого доказательства не приводил. Так, я осознал, что ее можно было доказать и что это было не слишком сложным делом. Поэтому я сел и написал свое доказательство. Я даже не смотрел статью Гиббарда и, как я уже говорил, я был здорово раздосадован, когда я нашел это доказательство, потому что я мог сделать это в любое время. Но с тех пор я сделал очень немного, если не считать статьи о правиле Борда, опубликованной в журнале *Social Choice and Welfare*.⁵ Боюсь, этим мой вклад в предмет и ограничивается. Я знаю, что вам нравится моя книга, что мне, безусловно, приятно, но это все, что я сделал: первая статья, книга, небольшая статья, вышедшая позднее, и более популярная книга под названием «Принципы избирательной реформы».

М. Саллес: Не могли бы вы рассказать поподробнее о вашей работе с Робинотом Фаркахарсоном? Вы ведь выступали с докладом об этом в Канне на конференции по истории общественного выбора.⁶

М. Даммит: Да, было такое, хотя в выступлении в Канне я рассказал все, что знал о Фаркахарсоне, то есть о нашей с ним работе. Я рассказывал в своем выступлении о драматическом эпизоде, связанном с его участием в конкурсе на получение стипендии в Олл-Соулз. Скорее всего, он бы ее и получил, но из-за безумного телефонного разговора с директором накануне голосования — первое проявление психического заболевания, от которого он страдал всю остальную жизнь, — все пошло наперекосяк. Это было трагедией, потому что он был поистине блестящим студентом, хотя и получил не самые высокие оценки на выпускных экзаменах. Возможно, он слишком много времени уделял теории голосования!

М. Саллес: Не могли бы вы также рассказать о своем решении предложить статью для *Econometrica*?

М. Даммит: Ну, здесь не о чем особенно говорить. Робин Фаркахарсон сказал, что нам нужно послать ее в *Econometrica*, и я послал ее туда. Вот и все. Отвечая на предыдущий вопрос о Робине Фаркахарсоне, надо ска-

⁵ Dummett (1998).

⁶ Dummett (2005a).

зять несколько слов об этой статье. Я уже не помню, кто написал основной текст. Я хочу сказать, что писали мы его вместе, но весь аппарат, специальные понятия и термины были его. Расскажу только об одном моменте, который представляет некоторый интерес. Мы использовали слово «ситуация» для описания действительного голосования, считая процедуру голосования данностью, какой бы она ни была. Она определяла исход — какой кандидат будет избран, какая альтернатива принята. Теперь же обычно используются шкалы предпочтений, скажем, избирателей по данной совокупности, скажем, кандидатов или возможных исходов. Для нас это не было данным. Мы считали данными ситуации, ход голосования и определяемые в ходе этого шкалы предпочтений. В этом случае можно представить кого-то, кто говорит: «я бы предпочел, чтобы такой-то и такой-то кандидат был избран, но мне бы не хотелось, чтобы его избрали с незначительным перевесом, и потому я предпочел бы кого-то другого». Эта возможность учитывается, если рассматривать шкалы предпочтений как определяемые ситуациями в нашем смысле. Тогда мы могли определить возможный исход как следствие ситуаций, когда избиратель выказывает безразличие к [остальным] двум кандидатам [из трех]. Так или иначе, что касается теоремы, мы принимали шкалы слабых предпочтений, позволяя избирателям проявлять безразличие. И теорема состояла в том, что, если для каждого из трех возможных результатов существовал тот, который ни один избиратель не считал худшим в сравнении с двумя другими, то в итоге мы будем иметь победителя по Кондорсе. Опять-таки я не думал об этой теореме. Робин Фаркахарсон пришел ко мне с ней как с гипотезой⁷ и спросил: «Ты сможешь ее доказать?». Я работал несколько дней и придумал доказательство, которое было приведено в конце статьи. Что же касается той гипотезы,⁸ то я не помню, кто из нас предложил ее первым, но мы были согласны с ней, и я ошибочно полагал, что ее будет слишком сложно доказать.

М. Саллес: Хотя вас интересовали практические аспекты голосования, в вашей первой книге о голосовании — «Процедуры голосования», — вы много места отводите теоретическим аспектам общественного выбора, включая теорему Эрроу и теорему Гиббарда—Саттертуэйта.

М. Даммит: Что касается теоремы Эрроу, все говорят — и это, конечно, и исторически, и, я полагаю, теоретически верно, — что она лежит в основе всего предмета. Ну, вы знаете. Я не собирался выдвигать теорему, несколько отличную от той, что была доказана Эрроу; я включил ее, потому что я считал ее фундаментальной. Что же касается теоремы Гиббарда—Саттертуэйта, то я полагал, что важно было донести ее до людей. Тогда существовали сторонники определенных избирательных систем, особенно «единого передаваемого голоса», которые утверждали, что эта система не позволяет получить преимущество путем стратегиче-

⁷ Речь идет о существовании победителя по Кондорсе для игр с большинством.

⁸ Речь идет о том, что теперь известно как теорема Гиббарда—Саттертуэйта.

ского (манипулируемого) голосования. Мне же казалось абсолютно необходимым доказать — прежде, чем перейти к рассмотрению конкретных систем, — что такая система невозможна, потому что, если люди считают, что можно иметь систему голосования, которая полностью отрицает возможность стратегического голосования, их подход ко всему вопросу вообще будет неверным. Именно поэтому я и включил теоретический раздел.

М. Саллес: У меня есть пара вопросов касательно Борда. Не могли бы вы рассказать нам сначала о правиле Борда, классическом правиле Борда, а затем о вашей квотированной системе Борда?

М. Даммит: Начнем с первого вопроса. Я глубоко убежден (с соответствующими оговорками), что, если бы вам удалось составить счет Борда для кандидатов, основываясь на истинных предпочтениях каждого человека, на его действительных предпочтениях, вы пришли бы к оценке того, какой из кандидатов или какой из возможных образов действия был наиболее приемлем для всего корпуса избирателей, а это уже намного больше, чем победитель по Кондорсе. Счет Борда, как известно, получается путем начисления каждым индивидом 0 очков наименее предпочтительному для него кандидату, 1 очка кандидату, занимающему предпоследнее место на его шкале предпочтений, и так далее по восходящей; в конце очки каждого кандидата суммируются. Я не верю в большинство по вполне очевидным причинам. Счет Борда основывается на представлении о том, что дистанция на шкале предпочтений человека между двумя альтернативами А и Б приблизительно отражает силу; речь идет о своеобразном выведении кардинальных предпочтений из ординальных. Что же касается его использования как практического метода, особенно если вы пытаетесь выбрать один образ действия или одного кандидата, то я не думаю, что он так уж хорош. Поскольку, помимо процедурного манипулирования, у людей есть соблазн голосовать тактически, поместив предпочтительного кандидата наверху, а затем всех остальных в порядке, обратном вероятности их избрания. Если так поступят немногие, то ничего страшного не произойдет. Если же так поступят многие, то это приведет к результату, который не имеет никакого отношения к действительным предпочтениям, потому что чем лучше они угадывают вероятность избрания кандидатов, тем больше им удастся ее нарушить. Помещая тех, кого, скорее всего, выберут, внизу списка, а тех, кто вряд ли будет избран, вверху, они на самом деле превращают популярных кандидатов в непопулярных.

Поэтому я просто не знаю — и я не знаю, как это можно узнать, — сколько людей пожелало бы проголосовать тактически, если бы счет Борда использовался в качестве практического метода. Но я считаю его очень ценным методом выяснения истинных предпочтений избирателей, того, какой кандидат наиболее приемлем. Свидетельством несовершенства этого метода в практическом отношении служит возможность процедурного манипулирования (например, путем включения кандида-

та, которого все считают хуже того, которого вы поддерживаете). В этом случае — я имею в виду только что описанный — вполне очевидно, что предпочтение того, кто немного лучше того, кого все оценивают ниже, заметно слабее большинства предпочтений избирателей. Я написал об этом статью. Нужно иметь общий метод оценки, позволяющий выяснить — из шкал предпочтений избирателей при выборе между альтернативами, — какие предпочтения являются слабыми, а какие — сильными, чтобы мы перестали считать их одинаково весомыми. Проблема в том, что это существенно осложняет вычисление результата. Такой метод неудобно использовать на практике: для системы голосования важно, чтобы счет был простым и доступным для понимания избирателей. Но с тех пор я не размышлял об этом. Некоторые очень простые методы или сравнительно простые методы вычисления голосов могли бы улучшить отражение силы предпочтений в счете Борда. Вот и все, что я могу сказать об этом.

М. Саллес: А квотируемая система?

М. Даммит: Мне кажется, что главное достоинство единого передаваемого голоса состоит в том, что эта система делает для меньшинств; она гарантирует представительство меньшинств. Других преимуществ у нее нет. Это почти хаотическая система в том смысле, что небольшое изменение в предпочтениях способно привести к полному изменению результатов, потому что оно влияет на порядок, в котором происходит отсев кандидатов и распределение голосов на каждом этапе. Поэтому я считаю ее на самом деле очень плохой системой, но у нее есть одно преимущество: я считаю, что представительство меньшинств важнее попытки получения максимально приемлемого результата. Если меньшинство считает, что у него есть особые потребности (то есть вещи, которые особенно важны для него, но не для избирателей в целом), то худшей вещью для такого меньшинства является ощущение, что у него нет права голоса, что нет никого, кто бы говорил от его имени. Конечно, представительство меньшинств, которое вы получаете при системе единого передаваемого голоса, невелико; это только означает, что лишь в отдельных избирательных округах достаточно крупные меньшинства получают представителя. Конечно, в стране в целом они не получают большого числа представителей. Квотная система Борда основывается на наложении на счет Борда принципа выделения меньшинств по тому, как они голосовали. То есть они выделяются, голосуя за одних и тех же двух-трех кандидатов, возможно, в различном порядке, но помещая их всех наверху. Это отличает меньшинство, и если это достаточно крупное меньшинство (соответствующее квоте, скажем, квоте с единым передаваемым голосом), то оно должно быть представлено. При квотируемой системе Борда суть состоит в получении представителя. Скажем, из трех кандидатов, голосовать за которых могут в различном порядке, выбирается тот, кто получит самый высокий счет Борда. Вы не просто позволяете меньшинству выбирать своего представителя; их представителем оказывае-

ся тот, кто наиболее приемлем для избирателей в целом. Но при этом он может оказаться тем, кого никогда бы не избрали при простой системе Борда. Задача состояла в наложении этой идеи представительства меньшинств на систему Борда.

М. Саллес: Что побудило вас написать вашу вторую книгу о голосовании — «Принципы избирательной реформы»?

М. Даммит: На это у меня есть очень простой ответ. Как я уже говорил, идея моей первой книги состояла в своеобразном «наведении мостов». Я решил, что мне ее достичь не удалось. Во введении я прямо написал, что я не использовал никаких других математических операций, кроме сложения и умножения. Но я понял, что я просил людей мыслить математически, а они были к этому попросту не готовы. Я решил, что в этом была причина того, почему мне не удалось «навести мосты». Поэтому я и написал эту, как вы сказали, «более популярную» книгу, чтобы навести своеобразный мост без доказательства каких-то теорем или приведения каких-то арифметических примеров или чего-то в этом роде, а также для того, чтобы донести до читателя некоторые элементарные принципы.

Р. Фара: Можно я выскажусь? Вы говорите о вашем интересе к проблемам социальной справедливости (очень широкая область) и о том, насколько важно предоставить голос меньшинствам. Все согласны с тем, что люди должны быть представлены — и именно поэтому мы поддерживаем демократические, а не олигархические или диктаторские системы — и мы полагаем, что голосование позволяет людям быть так или иначе представленными, а нашим представителям — действовать в рамках оказанной нами поддержки. Поэтому наличие голоса и голосование фундаментально важны. И везде, где вы позволяете представителям выступать от вашего имени, например, в ЕС, ООН или в каком-то другом месте, важно, чтобы ваш голос как гражданина вашей страны был не менее важен, чем голос гражданина любой другой страны. Только система голосования способна гарантировать, что я, как отдельный избиратель, буду надлежащим образом представлен. Поэтому важно попытаться создать правильную систему голосования. Но нам не удалось этого сделать на национальном и международном уровне. Это обусловлено тем, что теории голосования настолько специализированы и настолько математизированы и потому непостижимы для наших правителей, что их не принимают во внимание? Я не думаю, что существует заговор молчания вокруг теоретиков голосования, но, с другой стороны, я не думаю, что дело просто в неспособности услышать то, что пытаются донести теоретики голосования. Что вы думаете о работе с этими людьми, будь то политики и журналисты или же простые заинтересованные люди? Как нам начать говорить с простыми заинтересованными людьми?

М. Даммит: Не уверен, что я знаю ответ. Прежде всего, нужно убедить людей, что для создания равноправной системы голосования потребует-

ся большая мыслительная работа. (По большому счету они об этом не задумываются. Они считают голосование простой вещью). Я действительно не знаю, как убедить людей в этом, а вы? Я хочу сказать, что я понимаю, что вам надо взять у меня интервью...

Р. Фара: Хорошо, у меня есть несколько идей, но сначала, как мне кажется, нужно провести различие между понятием «вес голоса» ('voting weight') и понятием «влияние голоса» ('voting power'), которым обладает избиратель или его представитель. Это не просто понять, потому что количественный вес практически ничего не говорит вам о том, каким влиянием обладает или не обладает человек на результат решения. Теперь можно пояснить, в чем состоит различие на более понятном уровне. Проблема в том, что все так быстро становится настолько сложным, что для того, чтобы это имело какой-то смысл, необходимы технические специалисты и компьютерные мощности, а политики отказываются отдавать влияние этим специалистам. Возможно, вы согласитесь, что чем моложе люди, которых вы знакомите с проблемой, — может, не школьники, но где-то около, — тем раньше люди скажут: «Да, это проблема, в решение которой мне бы хотелось внести свой вклад». Реально «внести свой вклад» сможет лишь незначительное меньшинство, но по крайней мере все будут знать об этом.

М. Даммит: Хорошо, но тогда нужно убедить людей, которые преподают политическую теорию, политику, политическую науку, как бы ее ни называли, что они должны уделять этому внимание, возможно даже учиться самим, чтобы донести новое знание до своих учеников. Вы говорите о студентах университетов?

Р. Фара: Да, думаю, что в британских школах это было бы сложно. Возможно, в Европе и Соединенных Штатах, где преподаются основы гражданства, они могут быть введены довольно быстро без больших технических сложностей. По крайней мере, можно донести мысль, что системы голосования призваны сделать институциональную работу правительства представительной и демократичной, но что существуют и другие системы голосования и что они должны быть построены с учетом ваших желаний. Эти идеи можно донести на ранних стадиях. А затем, после знакомства с Борда и Кондорсе, можно будет перейти к более сложным вещам. Возможно, это следует всерьез обсуждать во время обучения в университете, но где? На факультете политических наук?

М. Даммит: Хорошо, вы должны убедить этих людей, тех, кто преподает на факультетах политических наук. А принципы Борда и Кондорсе можно преподавать в школе. Эти вещи не сложно понять. Но что касается привязанности к идее большинства — я имею в виду, что люди часто говорят «хорошо, мы должны делать то, что хочет большинство — это же демократия?», — то нужно избавить людей от этой идеи. Нам нужно сделать так, чтобы они перестали голосовать только за два возможных результата (отсюда берется вера в большинство, из такого голосования, когда вы не можете сделать ничего, кроме как последовать за большин-

ством). Забавно, — не знаю, известно ли это вам, — что после отмены права наследственных пэров в палате общин обсуждался вопрос о том, как должна формироваться палата лордов: как должны назначаться члены палаты лордов? Выдвигалось, вроде бы, пять разных предложений. Каждый кандидат должен утверждаться отдельно — да или нет, — вместо выстраивания в порядке предпочтений. В результате, они, конечно же, потерпели провал! Думаю, нам нужно побуждать людей поддерживать голосование, при котором имеется несколько различных возможностей и вам нужно выстроить их в порядке предпочтения. Затем возникают вопросы о том, как принимается решение? Откуда взять людей, всерьез задумывающихся об этих проблемах?

Р. Фара: В вашей речи, представлявшей программу «Влияние голоса и процедуры» в Лондонской школе экономики, под названием «Преодоление разрыва» вы сказали, что все еще существует острая потребность в переменах. Когда вы говорили о людях, которые отвечали за принятие решений относительно форм голосования, вы заметили, что трудность состояла в том, что специалисты по теории общественного выбора или голосования должны отказаться от специального жаргона и терминологии, чтобы иметь возможность начать диалог. Эта практика кажется мне правильной.

М. Саллес: Мне бы хотелось спросить, не было ли противоречия между вашей работой как философа и вашим интересом к социальной справедливости, то есть противоречия между тем, что вы не моральный философ, а моральный практик.

М. Даммит: Я всегда считал, что интеллектуалы, если у них есть возможность произвести практические изменения (обычно ее нет), обязаны попытаться это сделать. Мне с этим повезло, здорово повезло. И моя жена, и я считали, что я поломал свою карьеру, присоединившись к борьбе против расизма, и потому я какое-то время ничего не писал и занимался только преподаванием. Я действительно считал, что я пустил свою карьеру под откос, но, к счастью, все обернулось иначе.

Р. Фара: Да, к счастью, ваш интерес к социальной справедливости обернулся иначе. Большинство моих коллег-философов считает, что профессор сэра Майкла Даммита в 1999 году был посвящен в рыцари за свои философские заслуги, но, поправьте меня, если я ошибаюсь, вас посвятили в рыцари за ваши работы о расизме.

М. Даммит: На самом деле и за то, и за другое: за вклад в философию и расовую справедливость.

Р. Фара: То есть в вашей окончательной акколаде не было никакого противоречия; никто не видел в ней противоречия?

М. Даммит: Нет, никто не видел. Мне было очень приятно получить такое признание.

Р. Фара: Вы уже ответили на один из вопросов, который я хотел задать: мне было интересно, считаете ли вы, что философам следует или, возможно, они даже должны, обязаны принимать активное участие в

практической жизни, изменяя ее по мере возможностей. Я хочу сказать, что Витгенштейн, который, вероятно, повлиял на вас в молодости...

М. Даммит: Да, я действительно так считаю.

Р. Фара: ...скорее всего, занял бы несколько иную позицию и сказал, что вам не нужны философы, указывающие, что вам следует делать!

М. Даммит: Думаю, он поступил бы именно так.

Р. Фара: Но вы выступаете против этого. И среди крупных и влиятельных философов, которым вы, конечно, являетесь, существует традиция участия в делах общества, которой придерживались Рассел и Хомский, а в настоящее время – Питер Сингер. Но, надо сказать, вы находитесь в меньшинстве, особенно среди аналитических философов в Британии.

М. Даммит: Да, это так. Я никогда не пытался никого убедить занять иную позицию. Но вы правы, что очень немногие считают, что они должны принимать участие в делах общества в каком-то практическом смысле. Отчасти дело в традиции нашей страны, и это не ограничивается только философами. Несколько лет назад меня впечатлила одна вещь. Я и разные итальянские и, насколько я помню, другие британские философы публиковали статьи по философии в итальянской ежедневной газете. Это немыслимо в нашей стране, абсолютно немыслимо! Это возможно во Франции. Но идея, что философам следует писать для газет! (Причем это не были статьи о политике, это были статьи по философии). Во Франции и – в меньшей степени – в Италии от интеллектуалов вообще и от философов в частности ожидают выступлений по политическим и социальным вопросам. В нашей стране это не так. Помню, как много лет тому назад я со своей женой побывал на выставке Пикассо в Париже – я не помню, где именно она проводилась. Когда мы спускались по лестнице, мы увидели большую мемориальную доску на стене с надписью 'Intellectuels morts pour la France'. Нам же сама мысль об «Интеллектуалах, отдавших свою жизнь за Англию» или о чем-то в этом роде кажется смешной! Думаю, вся атмосфера нашей страны сопротивляется тому, чтобы такие люди, как философы, участвовали в жизни общества. Рассел был особым случаем. Поэтому когда я занимался общественной работой, ни один из моих соратников не думал обо мне как о философе или интеллектуале – я просто был одним из многих, делавших эту работу. У нас к этому относятся так.

Р. Фара: Возможно, все дело в аналитической традиции, практикуемой в англоязычном мире, в отличие от континентальной традиции, в которой человек и его место в обществе и так далее служат зерном для философской мельницы. Мне бы хотелось сказать несколько слов о вашей работе о расизме и иммиграции. В 2001 году вы написали книгу об иммиграции и беженцах, и, думаю, не ошибусь, если скажу, что иммиграция и вопрос беженцев сегодня стали занимать важное место в мировых политических дискуссиях. Обычно распространена стандартная модель: у нас есть богатые страны и бедные страны (или бедные стра-

ны, которые подвергаются преследованиям, страны-изгои). Из бедных стран происходит экономическая миграция, а из стран-изгоев — беженцы. Вот и вся модель. Богатые страны пытаются защитить свое население от этого нашествия. Вы написали книгу, состоящую из двух частей — «Принципы» и «История».⁹ В первой части — «Принципах» — вы излагаете довольно бескомпромиссную историю о неприкосновенном праве человека переселяться в поисках лучшей и достойной жизни и об основаниях, позволяющих принимающей стране отказать вам.

М. Даммит: Думаю, вы все верно изложили.

Р. Фара: Во второй, исторической части вы говорите, что после Второй мировой войны попытки сдерживания переселения людей в Европе и Британии стали расизмом. Не могли бы вы поподробнее рассказать об этом — и о вашей книге, и о ваших чувствах по этому поводу?

М. Даммит: Я расскажу только об исторической части. Я полагаю, что в нашей стране расизм пользуется официальной поддержкой. Местные расистские группы (крайние расисты) всегда выступали с жесткими требованиями контроля над иммиграцией, и они всегда встречали отклик правительства, которое затягивало гайки все туже и туже. Тем самым правительство поощряло расистские настроения, существовавшие в стране, потому что люди видели ужесточение контроля над иммиграцией — а под иммиграцией всегда понималась «цветная» иммиграция, так как белые иммигранты из Америки и Австралии иммигрантами даже не считались, — они рассматривали это как заявление: «Нам их не надо!» И это, конечно, распалило расизм тех, кто считал «нам их не надо, потому что они должны убираться!» Теперь же настал момент, когда затягивать гайки еще туже уже больше некуда, а людям начало казаться, что политические партии способны или, по крайней мере, обещают сделать это. Думаю, что политики сознательно перенаправили враждебность на людей определенных рас, на беженцев, и они занимались пропагандой против беженцев. Наше правительство недавно с гордостью заявило о сокращении количества заявок на предоставление убежища. Как же они достигли этого сокращения? Они не положили конец преследованиям, от которых бежали беженцы. Нет. Они лишили беженцев надежды на удовлетворение этих просьб! И теперь широкое распространение получило требование сократить количество принимаемых беженцев. Это просто трансформация популярного требования сократить «цветную» иммиграцию или сократить просто иммиграцию, которая, правда, всегда считалась «цветной». Поэтому я думаю, что политики просто переключили враждебность (порождению которой они способствовали) на выходцев из стран Карибского бассейна, из Индии и Пакистана и так далее. Они просто переключили ее на беженцев. Это прекрасный способ стать популярным. Гитлер об этом знал. Вы определяете некоторую группу как враждебную, а затем

⁹ Dummett (2001).

обещаете сделать все, чтобы не пустить врага, и тем самым зарабатываете политические очки. Такова «история», о которой вы попросили меня рассказать.

Я выделяю два веских основания, которые могут иметься у государства для того, чтобы не пускать людей, не принимать людей, которые хотят иммигрировать. О первом говорить очень опасно, потому что это часть риторики тех, кто выступает против беженцев, — они кричат: «Нас затапливают!» Это слова госпожи Тэтчер об иммигрантах из Индии и стран Карибского бассейна: «Они нас затапливают!» — она сказала это на национальном канале, принадлежащем тори. Я избегал слова «затопление», я использовал слово «размывание» — это действительно происходит, но не часто, а лишь в отдельных случаях. Прекрасной иллюстрацией служит Тибет. Бывает, когда страна с определенной культурой оказывается под угрозой из-за наличия большого числа людей, не разделяющих эту культуру. Фиджи — наглядный пример того, что произошло, когда при британской империи поощрялся большой приток индусов на Фиджи. В какой-то момент их стало больше, чем коренных жителей. Поэтому это можно признать легитимным основанием для ограничения иммиграции. Замечу, что это случается редко, но это действительно оправдывает ограничение количества людей, которые могут быть приняты. Вторым основанием служит перенаселение. Могут сказать, что многие страны в настоящее время перенаселены, но это нужно оценивать по плотности населения в конкретном регионе мира, скажем, в Западной Европе или Юго-Восточной Азии или где-то еще. Я полагаю, что могут быть основания для ограничения приема людей, если это может привести к серьезному перенаселению в сравнении с другими странами региона. Опять-таки я не думаю, что это относится к западноевропейским странам в настоящее время, но я полагаю, что это служит легитимным основанием для ограничения приема. Я полагаю, что государство должно иметь основания для ограничения свободы передвижения: вы ограничиваете свободу людей передвигаться туда, куда они хотят, и для ограничения чьей-то свободы должны быть веские основания. Вопрос не в том: «Почему мы должны кого-то пускать?» Вопрос в том: «Какие имеются основания для ограничения приема?» Таким должен быть вопрос. Поэтому я полагаю, что при той картине, которую вы нарисовали, — то, что вы называете обычной моделью, — я действительно считаю, что развитые страны могут извлечь гораздо больше пользы из иммиграции, чем сейчас. Так обстоят дела...

Р. Фара: ...Да, думаю это так. Это видно из незначительности объема иммиграции. Она составляет от 2 до 5% (5% — самый высокий показатель во всех европейских странах, 2% — наверное, один из самых низких), и ее вклад в экономику в налоговом выражении намного превышает всевозможные «пособия», получаемые иммигрантами. Так что факты свидетельствуют в пользу нее.

М. Даммит: И они помогают своим странам, делая денежные переводы!

Р. Фара: Да, на самом деле я заговорил об этом, потому что в этом вопросе Ролз пришел к выводам, противоположным вашим. Вы знаете его книгу «Закон народов».¹⁰ Этой теме были посвящены его лекции для *Amnesty International* в Оксфорде 1993 года (вероятно, вы знали об этом, когда писали свою книгу). Он приходит к полностью противоположному выводу, говоря, что богатые страны не отвечают за права бедных стран и не обязаны принимать иммигрантов из них. Он исходит из представления о том, что им не следует отказываться от своего наследия и что на самом деле им лучше оставаться там, где они живут, и ориентироваться на более преуспевающие страны. Я знаю, какую философию я бы поддержал, сравнивая вашу и ролзовскую. Но, может, вы как-то прокомментируете это?

М. Даммит: Ну, Ролз говорит почти исключительно об отдельных обществах, национальных государствах, которые у нас имелись, и я не думаю, что нужно мыслить в этом ключе. Я полагаю, что каждый из нас имеет обязательства перед другими людьми в мире, независимо от того, кто они — наши сограждане или граждане какой-то другой страны; я имею в виду, когда дело доходит до этого и когда вы в силах с этим что-то сделать. Обязательства государств возникают из обязательств граждан, а граждане имеют обязательства не только перед соотечественниками, но и перед другими людьми в мире, на условия жизни которых они могут повлиять. Поэтому я полагаю, что ход рассуждений, только что описанный вами, просто ошибочен.

Р. Фара: Да, думаю, я согласен с вами. Ваша позиция, ваше возражение Ролзу состоит в том, что его подход просто не имеет под собой никаких оснований.

М. Даммит: Думаю, да. В своей книге я резко возражал против представления о том, что государство имеет обязательства только перед своими гражданами.

Р. Фара: Да, да, именно это я имел в виду. Многие рецензенты, написавшие отзывы на книгу (в 2001 году, когда она была опубликована), заметили, что на первой части вашей книги явно отразились ваш католицизм и кантианский подход. Это любопытно, потому что принято считать, что ролзовская «Теория справедливости» основывается как раз на кантианском подходе, но я хотел спросить не об этом. Я бы хотел поговорить о вашем католицизме. Вы знаете, что я делал большие интервью с Куайном, Дэвидсоном и Строусоном, и, вместе с вами, они относятся к наиболее влиятельным философам второй половины XX века. Во многих случаях они также были вашими современниками и коллегами. Все они декларируют атеизм, то есть не просто говорят, что они атеисты, а прямо его декларируют. Это кажется мне нитью, пронизывающей со-

¹⁰ Rawls (1999).

общество аналитических философов, едва ли не его предпосылкой. По своим моральным взглядам, они придерживались гуманизма; основой для него была какая-то светская деятельность, а атеизм был необходимым условием участия в ней. Вы были воспитаны в англиканской традиции в Уинчестерском колледже. Вы говорили, что в тринадцать лет вы стали атеистом, а в девятнадцать влились в лоно римской католической церкви, членом которой вы с тех пор остаетесь. Мне бы хотелось побольше узнать о ваших отношениях с религией.

М. Даммит: Между моей борьбой с расизмом и философией не было противоречия, и они связаны с моими религиозными чувствами. Я считаю помощь бедным и угнетенным своим долгом, и это вытекает из — или является следствием — христианского мировоззрения. Но это слишком общий вопрос. В философии, как мне кажется, долг каждого верующего состоит в поиске истины. Я знаю, что люди говорят, что верующие принимают определенные философские идеи, потому что они думают, что они у них уже есть ответ, и это дает им опору. Что касается меня, то я никогда не занимался философией для подтверждения своих религиозных убеждений. Я думаю, что философ просто должен следовать своей аргументации, а если кажется, что она ведет его в направлении, противоречащем его убеждениям, он должен сказать себе: «на это должен существовать ответ» или «должно быть, я где-то совершил ошибку, но я не знаю где». Я согласен, что, особенно в Америке, не только атеизм, но даже открытый материализм стал едва ли не само собой разумеющейся вещью среди аналитических философов. Здесь все иначе. Помню, как-то много лет тому назад я принял участие в цикле вульфсоновских лекций (лекции, читаемые при поддержке Вулфсон-колледжа). Всего было шесть лекций и шесть лекторов, из которых атеистами были всего двое — Куайн и Дэвидсон. Так получилось, что остальные четыре лектора были католиками. Это я, Питер Гич, Элизабет Анскомб и Дагфин Фоллесдаль — мало кто знает, что он — католик, но это так. Таким образом, у нас было четыре католика и два атеиста. Обычно религиозная вера у философов здесь встречается не так уж часто — таких, как я, сейчас всего пара человек, — но я не знаю, чем это вызвано — влиянием американской философии или просто стечением обстоятельств. Я действительно думаю, что в философии... я полагаю, что в метафизике (я не занимался особенно метафизикой, и я полагаю, что большая часть метафизики — это в основном философия физики), что метафизика занимается прояснением наших представлений о мире, в котором мы живем; а остальная философия занимается прояснением теорий о нас самих, об интенциях, об эмоциях и так далее. Поэтому я считаю, что философией нужно заниматься... Я хочу сказать, что если вы объявляете себя атеистом или материалистом, вы просто делаете выводы заранее, на самом деле даже больше, чем если бы вы заявили о своей религиозной вере.

Р. Фара: Так или иначе, кажется, что различие тела/сознания в философии и исследованиях сознания служит своего рода симптомом. Редук-

ция к материализму не оставляет места для духовной сферы, все сводится к одному. Можно назвать еще одну причину обращения к атеизму — распространение марксизма. Мне интересно, согласитесь ли вы с тем, что все это на самом деле не имеет отношения к содержанию метафизики, философии физики, философии математики и логики.

М. Даммит: Да, я согласен, что они не имеют отношения к сути дела. Я полагаю, что вся эта концентрация на понятии сознания связана с тем, что оно кажется последним препятствием, стоящем на пути к материалистической редукции реальности — я полагаю, что это своеобразное наследие картезианского дуализма. Вопросы, вроде: «Зачем нужно сознание? В чем смысл существования такой вещи, как сознание?» Я считаю эти вопросы смешными. Я думаю, что эти вопросы возникают из своеобразного дуализма. Они хотят всего. Они хотят прийти к монизму, но они не могут сделать.

Р. Фара: Наконец, нам бы хотелось поговорить о страсти или развлечении — вашем увлечении картами таро.

М. Даммит: На самом деле здесь меня интересовали, прежде всего, игры — больше, чем любой другой вид карточных игр, — история карт служит инструментом к истории игр. Вы, наверное, хотите узнать, чем вызвано такое увлечение? Не думаю, что это может заинтересовать кого-то, кто не любит играть в карты, но здесь существует обширная семья очень интересных и часто очень мудреных игр. Приведу два примера. В Болонье играют в игру с местной формой колоды таро. В игре участвуют четыре игрока, как в бридже, и большую часть очков в конце игры вы получаете из множества различных комбинаций карт, которые вы и ваш партнер берете в качестве взяток. В этом состоит отличие от бриджа, где вам нужно получить только как можно большее число взяток. Две трети карт в колоде могут образовывать такие комбинации, и вы пытаетесь построить такие комбинации и при этом помешать сделать это вашим соперникам. Поэтому важна почти каждая карта. Это восхитительная форма игры. В Болонье играют с 62 картами. В Венгрии играют только с 42. У вас есть 22 фиксированных козыря и только по пять карт некозырных карт каждой масти. Очень строгие правила определяют заявляемые ставки, так что вы часто можете многое сказать о том, у кого на руках какие карты. И вы зарабатываете определенные очки. У вас есть партнеры, но они не фиксированные: их определяет разыгрывающий. Разыгрывающий называет карту, которой у него нет на руках, и игрок, у которого есть эта карта, становится его партнером, но не говорит об этом. И поэтому, пока эта карта не войдет в игру, вы не знаете наверняка, кто чей партнер. Помимо очков, которые вы получаете за победу в игре, есть также множество комбинаций, которые вы можете проделать, например, взять последнюю взятку наименьшим козырем, взять два высших козыря и один низший и так далее. Больше всего ценится взятка второго по значению козыря главным. Иногда ради одной из таких комбинаций можно пожертвовать победой в игре. И вновь, когда вы

начинаете, неясно, в чем состоит цель разыгрывающего и кто окажется его партнером. Или вот пример еще одной поистине восхитительной игры. Меня это необычайно увлекло. Мы были на отдыхе во Франции. Мы купили колоду таро. К ней прилагались правила игры. Мы начали играть семьей. Эта игра показалась нам очень хорошей. Когда я вернулся в Англию, мне попала австрийская колода с правилами; это была похожая, но все же совершенно иная игра. Я написал разным людям с вопросом рассказать о том, как играют в эту игру в других странах. Я написал специалистам по карточным играм. Ни один из них не смог ответить мне, поэтому я попытался разузнать это сам, и это постепенно переросло в серьезное исследование. Я пытался узнать историю... Писанные правила существовали с XVII века, но более ранние упоминания в литературе были разрозненными. Приведу вам пример загадки. Я знаю много людей, которые коллекционируют игральные карты. В 1930-х годах — это не так давно — существовала определенная колода таро. В моей коллекции была обертка, на которой было написано по-французски 'Tarot á soixante treize cartes' (или, может, 'septante trois cartes'). Она не отличалась от австрийской колоды (восемь карт каждой масти), за исключением того, что вместо 21 козыря в ней было 40 козырей. Это до сих пор остается загадкой — загадкой, которую мне бы хотелось разгадать. В эту игру играли в некоторых франкоязычных частях Европы. Думаю, этих колод не существовало до 1930-х. Мы написали производителю, но у него были данные только о количестве произведенных, а не проданных колод, поэтому я до сих пор не знаю, кто играл в них и почему. Поэтому существует множество проблем такого рода. Поэтому мне нравится играть, мне нравится знакомиться с людьми, которые играют. Это хороший способ знакомиться, и я со многими познакомился на Сицилии... Там игра сохранилась только в четырех разрозненных городах, в каждом из которых она стала местной традицией.

Р. Фара: А что за города?

М. Даммит: А вы знаете Сицилию? Калатафими, Минео — знаете Минео? Это маленький городок к юго-западу от Катании. И еще Барселона Поццо ди Готто (близ Мессины) и Торторичи. В начале XX века на острове в нее все еще играли. Но теперь, если вы спросите о ней в Палермо, вам никто ничего не ответит. Только в этих четырех местах. Я хочу сказать, что играют они по-разному, но набор основных правил — тот же; и он отличается от любой другой игры таро в других местах. Мне это очень нравится: собираться и знакомиться с людьми для игры, учиться у них. Это стало своего рода страстью. Гадание и оккультная составляющая меня никогда особенно не интересовали, но в первой книге, написанной мной о таро, была глава об оккультном использовании таро для гадания, доведенная до начала 1920-х годов. Но затем я подумал, что никто, интересующийся гаданием, эту главу никогда не увидит, и никто, интересующийся карточными играми, не обратит на нее внимания. Поэтому я решил взять ее, найти кого-то, кто мог бы осовременить

ее, и опубликовать получившееся в виде книги. Затем Дональд Лэйкок, австралийский антрополог, отправил мне статью, которую он написал о современных оккультных колодах таро. И я написал ему, что вместе мы должны довести историю до настоящего времени, и он согласился. Но когда я был в Калифорнии, я получил от него печальное письмо, в котором он сообщал: «Я заболел лейкемией и больше не могу работать»; вскоре после этого он умер. Я нашел нового соавтора Рональда Декера, и мы заручились поддержкой третьего, французского соавтора — Тьерри Деполи. Это должна была быть одна книга, доводящая историю до настоящего времени, но она превратилась в две, потому что стала слишком длинной. Второй том я написал в сотрудничестве с Рональдом Декером, который проделал самую большую работу, и все равно он завершился только на 1970-х.

Р. Фара: Значит, было две книги. Первой была «Отличная колода карт», а как называлась вторая?

М. Даммит: «История таро: 1870—1970». В 1970-х произошел взрыв интереса к таро. Раньше людям обычно приходилось довольствоваться всего одной колодой таро из нескольких существовавших. Теперь появилось множество различных оккультнистских колод: таро ведьм и феминистские таро, индейские таро, баскские таро, японские таро — таро от каждой культуры, которые не имели к ним никакого отношения, и люди начали коллекционировать оккультнистские таро.

Р. Фара: И вы только что закончили третью книгу.

М. Даммит: Да, это об игре таро или, скорее, о многих играх. Большая часть состоит из детального изложения правил различных игр, того, как в них играют теперь или играли в прошлом. По сути, игры таро доводятся до 1980 года, поскольку с тех пор было найдено многое, причем не только мной. Поэтому эта новая книга носит простое название «История игр, в которые играют с колодой таро»; она состоит из двух томов, потому что в ней описывается огромная семья игр. Это исторические, а также сохранившиеся игры, в которые играют сегодня.

М. Саллес: Она опубликована?

М. Даммит: Да, конечно. Простите, что у меня здесь нет экземпляра... В любом случае эту книгу купят только подлинные энтузиасты.

Р. Фара: Надо сказать, очень интересно и необычно слышать, что бывший профессор логики и один из ведущих специалистов по философии математики и логики работал в соавторстве с Рональдом Декером, который является хранителем музея игральных карт в Американской компании игральных карт в Цинциннати, Огайо. Это невероятно интересная сторона вашей жизни.

М. Саллес: Вы продолжаете играть в таро?

М. Даммит: Здесь есть сложности. Обычно мы играли в небольшом клубе в Оксфорде, который был основан мною много лет тому назад. Теперь он распался. Кто-то покинул Оксфорд, кто-то умер, поэтому клуба больше нет. Все, что у меня есть, — это компьютерная програм-

ма для игры во французские таро. Конечно, это не так интересно, как играть с реальными людьми, но я иногда обыгрываю этих трех парней из компьютера!

Перевод с английского Артема Смирнова

Литература

- Dummett M (1978) *Truth and Other Enigmas*. Duckworth, London.
- Dummett M (1981) *Frege: philosophy of language* (second edition). Duckworth, London.
- Dummett M (1981a) *The interpretation of Frege's philosophy*. Duckworth, London.
- Dummett M (1984) *Voting procedures*. Clarendon Press, Oxford.
- Dummett M (1991) *Frege and other philosophers*. Clarendon Press, Oxford.
- Dummett M (1991a) *Frege: philosophy of mathematics*. Duckworth, London.
- Dummett M (1991b) *The logical basis of metaphysics*. Duckworth, London.
- Dummett M (1993) *Origins of analytical philosophy*. Duckworth, London.
- Dummett M (1993a) *The seas of language*. Clarendon Press, Oxford.
- Dummett M (1997) *Principles of electoral reform*. Oxford University Press, Oxford.
- Dummett M (1998) *The Borda count and agenda manipulation*. *Social Choice and Welfare* 15:289–296.
- Dummett M (2000) *Elements of intuitionism* (second edition). Clarendon Press, Oxford.
- Dummett M (2001) *On immigration and refugees*. Routledge, London.
- Dummett M (2004) *Truth and the past*. Columbia University Press, New York.
- Dummett M (2005) The justificationist's response to a realist. *Mind* 114: 671–688.
- Dummett M (2005a) The work and life of Robin Farquharson. *Social Choice and Welfare* 25.
- Dummett M, Farquharson R (1961) Stability in voting. *Econometrica* 29: 289–296.
- Gibbard A (1973) Manipulation of voting schemes: a general result. *Econometrica* 41: 587–601.
- Peacocke C (2005) Justification, realism and the past. *Mind* 114: 639–670.
- Rawls J (1999) *The law of peoples*. Harvard University Press, Cambridge (Mass).
- Salles M (2006) Michael Dummett on social choice and voting. In: Auxier RE (ed) *Library of living philosophers: the philosophy of Michael Dummett*. Open Court, Chicago and La Salle.
- Satterthwaite MA (1975) Strategy-proofness and Arrow's conditions: existence and correspondence theorems for voting procedures and social choice functions. *Journal of Economic Theory* 10: 187–217.
- Sen AK (1986) Social choice theory. In: Arrow KJ, Intriligator MD *Handbook of mathematical economics* Volume III: 1073–1181.